

К. В. Злоказов

Екатеринбург, Россия

Zlokazov K. V.

Ekaterinburg, Russia

**АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ
КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА
ДЕСТРУКТИВНО-ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

**ANALYSIS OF PERCEPTION PECULIARITIES OF
A CREOLOIZED TEXT OF A DISTRUCTIVE-
EXTREMIST TREND**

Аннотация. Изучаются психофизиологические реакции и вербализованные отклики на видеоматериалы экстремистско-деструктивной направленности. Демонстрируется методика, позволяющая предсказать социальную оценку подобных видеоматериалов.

Abstract. Psychophysiological reactions and verbalized response to the video materials of extremist-destructive trend are studied. Methods that help to predict social estimation of such materials are presented.

Ключевые слова: креолизованный текст; экстремизм; социальная сеть; коммуникация; кластеризация.

Key words: creolized text; extremism; social network; communication; clusterization.

Сведения об авторе: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии.

About the author: Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Senior Lecturer of the Chair of Pedagogy and Psychology.

Место работы: Уральский юридический институт МВД России (Екатеринбург).

Place of employment: the Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620057, г. Екатеринбург, ул. Коренина, 66.
e-mail: zkrivit@yandex.ru.

Актуальность. В данной статье обобщены результаты цикла исследований особенностей восприятия разновидности креолизованных текстов — видеофрагментов, ориентированных на формирование у просматривающих «чувств ненависти и вражды, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам происхождения, отношения к религии с использованием средств массовой информации» (формулировка ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации). Практическая значимость во многом обусловлена текущей социально-политической ситуацией в России, актуализацией тематики экстремистской направленности в средствах массовой информации, коммуникации и преступлений, совершенных на почве культуральной и расовой сегрегации.

Особое внимание привлекает деструктивный характер способа совершения преступлений, носящих антиобщественный характер, сопровождающихся насилием и активным распространением экстремистских убеждений в форме коротких видеороликов в сфере молодежной коммуникации («социальных сетях»). В нашем исследовании анализируются особенности восприятия экстремистских текстов в части репрезентации субъектом смысла, а также факторов и условий, обуславливающих этот процесс.

Материалом для исследования являлись видеофрагменты из числа материалов судебно-психологической экспертизы, рассматриваемые нами в рамках уголовных дел экстремистской направленности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 14.740.11.0990.

© Злоказов К. В., 2011

При анализе видеофрагментов отмечается, что экстремистский дискурс реализуется путем использования различных вариантов видеоряда: агрессивно-насильственный (демонстрируются сцены насилия, избиения, убийств, сопровождающиеся экспрессивной лексикой); культурологический (экстремистский текст маскируется под культурологический, исторический, статистический текст); коммуникативный (записи диалогов, выступлений, собраний, межличностного общения), жанр социальной рекламы (использование шаблонов, стиля, символики, схожей с коммерческой или социальной видеорекламой, демонстрация культуральных стереотипических персонажей, сопровождающаяся призывами экстремистской направленности).

Описание хода исследования. Исследование проводилось в соответствии с устоявшимися методиками производства психодиагностических и психофизиологических исследований процессов, состояний и свойств психики.

Просмотр видеофрагментов осуществлялся на персональном компьютере, с помощью стандартного приложения для просмотра видеофрагментов в операционной системе Windows — Windows media player. После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый заполнял анкету, составленную по типу стандартизованного самоотчета. Полученные в ходе анкетирования данные вводились в таблицу Excel для дальнейшей математико-статистической обработки. Обработка результатов проводилась с помощью пакета математико-статистических программ «Statistica for Windows 6.0».

Анализ психофизиологических реакций осуществлялся с помощью комплекса объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» на базе реабилитационного психофизиологического комплекса с биологической обратной связью «Реакор».

Видеофрагменты были смонтированы в форме видеосценария и предъявлялись испытуемым последовательно. В процессе просмотра видеофрагментов испытуемым проводился съем психофизиологических показателей (электроэнцефалографических, электрокардиографических, фотоплетизмографических и кожного потенциала, согласно руководству по эксплуатации и руководству пользователя комплекса объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» [Комплекс объективного... 2010]).

После просмотра каждого из видеофрагментов испытуемый отвечал на вопросы анкеты (см. табл. 1.), включающей в себя пункты-утверждения, направленные на оценку эмоционального состояния в связи с просмотром видеофрагмента, краткой интерпретацией увиденного («Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите»), с субъективной интерпретацией смысла видеофрагмента испытуемым («Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите»), с присвоением (ассимиляцией) опыта, представленного в видеофрагменте («После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного?»), с социальной оценкой видеофрагмента («Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?»).

Таблица 1.

Вариант самоотчета для оценки видеофрагмента

Примеры пунктов-утверждений	Индикатор
Оцените свое настроение в связи с просмотром видеофрагмента (в связи с ним).	Особенности эмоционального состояния.
Что вы увидели в представленном ролике? Кратко опишите.	Восприятие видеофрагмента.
Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента? Кратко опишите.	Репрезентация смысла видеофрагмента.
Какие идеи, по вашему мнению, содержатся в данном видеофрагменте? Кратко опишите.	Субъективная интерпретация видеофрагмента.
Просмотрев видеофрагмент, выразите ваше мнение по поводу его основных идей.	Субъективная интерпретация видеофрагмента.
После просмотра этого видеофрагмента вы будете использовать что-либо из увиденного в дальнейшем (идеи, мысли, действия, способы, приемы)?	Ассимиляция опыта.
Если бы вы могли повлиять на ход событий в видеофрагменте, что бы вы выбрали?	Репрезентация опыта и стратегии поведения.
Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?	Репрезентация опыта и стратегии поведения.
Дайте оценку происходящему в видеофрагменте.	Репрезентация опыта и оценка поведения.
Есть ли основания поступать и действовать так же, как это делают главные герои?	Социализированная оценка видеофрагмента.
Полезным ли был просмотренный видеофрагмент для вас? Кратко опишите.	Ассимиляция опыта.

Для оценки ответов испытуемых был проведен их контент-анализ, в результате которого были сформированы критерии оценки, представленные в виде модифицированной шкалы Лайкерта [см. Бурлачук, Морозов 2001]. Данная шкала использовалась при последующей математической обработке заполненных анкет. В одном из вариантов проводимого исследования данные самоотчетов обсуждались путем совместного формулирования замыслов и мотивов вероятных авторов видеофрагментов с целью анализа этапов и особенностей процесса реконструирования дискурса.

В ходе исследования были получены эмпирические данные о психофизиологическом состоянии испытуемых до, во время и после просмотра видеофрагментов, данные объективных самоотчетов, полученных после просмотра видеофрагментов, подвергшихся групповым обсуждениям, что в целом позволило определить особенности влияния видеофрагментов на психические процессы и состояния испытуемых.

Полученные данные были подвергнуты математико-статистической обработке (процедурам корреляционного, факторного, сопоставительного, кластерного анализа), что позволило сформулировать тенденции восприятия испытуемыми видеофрагментов, уточнить факторы успешной репрезентации смысла деструктивных призывов, расширить представление о влиянии видеофрагментов на лиц, их просматривающих.

Особенности восприятия видеофрагментов субъектом и их оценка путем анализа психофизиологических показателей. Исследование процессов влияния видеофрагментов на испытуемых традиционно затрагивает вопросы динамики психофизиологических показателей в процессе просмотра.

С целью определения психических особенностей испытуемых в процессе просмотра видеофрагментов проводился съем психофизиологических показателей (электроэнцефалографических, электрокардиографических, кожного потенциала, фотоплетизмографических). Видеофрагменты были смонтированы в форме видеосценария и предъявлялись испытуемым последовательно. Вся совокупность психофизиологических реакций была разделена на несколько составляющих [Основы психофизиологии]:

– совокупность электроэнцефалографических сигналов (альфа-ритм), регистрируемых с двух отведений в париетальной (теменной) и мастоидальной области, эксплицирующих степень активации центральной нервной системы.

Альфа-ритм — характеристика активности головного мозга, определяющая характер протекания психических процессов у человека — уровня активации (бодрствования, состояния сознания и когнитивных процессов). Снижение частотных и амплитудных характеристик альфа-ритма свидетельствует о частичных формах

нарушения мышления, расстройствах восприятия и внимания;

– совокупность физиологических реакций, регистрируемых с запястья испытуемого и мочки уха (изменение кожного потенциала (кожно-гальванической реакции, состояния кровенаполнения и тонуса сосудов, особенностей пульсовой волны)). Изучение данных реакций позволяет определить особенности состояний психики (переживаемых эмоций и их модальности, например стенических/астенических).

Полученные результаты были подвергнуты кластерному анализу с целью эмпирической классификации видеофрагментов на основе

обобщенных реакций испытуемых, представленных как среднее значение активации в течение просмотра видеофрагмента. Кластерный анализ осуществлялся методом иерархической агломерации с определением квадрата Евклидова расстояния по методу «single linkage», «complete linkage» и «ward's method». В работе приводятся результаты кластеризации по методу «single linkage», в связи с наличием предопределенной структуры объектов, а также оптимальным уровнем динамики пошаговой кластеризации из всех, нами использовавшихся (см. рис. 1).

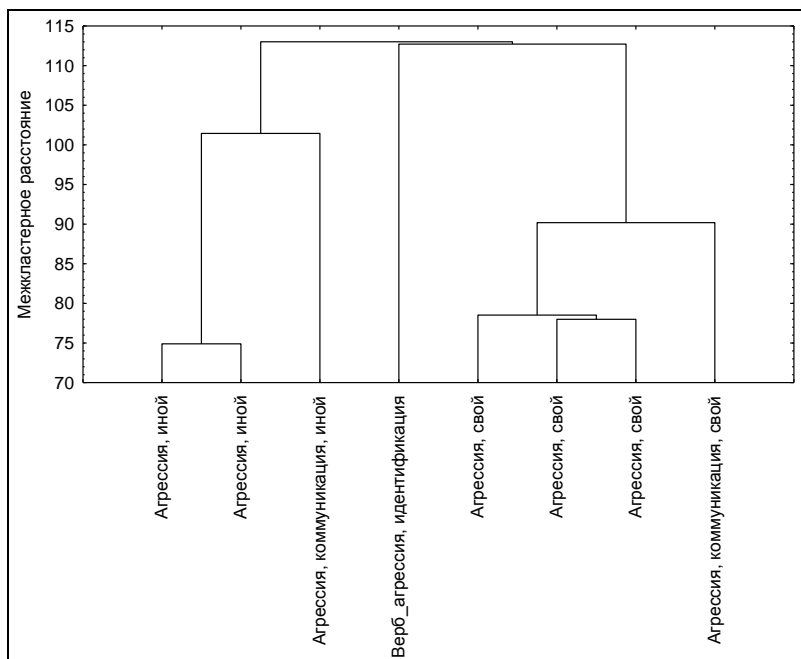

Рис. 1. Классификация видеосегментов в зависимости от уровня активации альфа-ритма

Полученная кластерная структура воспроизводится, в том числе и при проведении корреляционного анализа, в виде корреляционных плеяд, что свидетельствует о ее устойчивости, и, как следствие, — надежности интерпретации полученных структур.

Из рисунка следует, что основанием классификации уровня активации выступает содержание видеофрагментов, а не формальные характеристики, что предполагалось нами ранее. Вероятно, субъективная значимость содержания видеофрагментов (анализ характеристик альфаритма) оказывает больший эффект на результаты исследования, чем форма подачи материала.

На видеофрагментах «Агрессия, иной» представлены акты насилия по отношению к людям неславянской внешности, в рабочей одежде, торгующим либо занимающимся строительством.

В видеофрагментах «Агрессия, свой» групповому избиению подвергаются люди, внешность которых может совпадать с внешностью славянского типа, и испытуемые идентифицируют себя с жертвами нападения. В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что сюда относятся

ся видеофрагменты, включающие в себя коммуникацию с лицом, подвергающимся нападению — это другая ветвь классификации. Максимальное удаление от центра кластера занимает видеофрагмент, в котором присутствуют элементы вербальной агрессии и содержится критика социальной ситуации в России. При кластерном анализе уровня усредненных показателей активации альфа-ритма у испытуемых при просмотре видеофрагментов получена классификация видеофрагментов в зависимости от действий (агрессия физическая, вербальная) и субъектов насилия (идентификации «свой — чужой»). Опыт данного анализа, возможно, даст основания исследования уровня активации и в дальнейшем, при изучении особенностей восприятия видеофрагментов.

Также кластерному анализу были подвергнуты усредненные данные компонента психофизиологических реакций, в результате чего было установлено, что в процессе просмотра видеофрагментов реакции различаются в зависимости от содержания видеофрагментов.

Кластерные структуры в центре данной классификации образуют показатели психофи-

физиологических реакций испытуемых на видеофрагменты с демонстрацией насильственных действий (избиений, убийств, групповых нападений). Анализ кластерной структуры психофизиологических (спонтанных) реакций дает возможность установить факт группирования видеофрагментов в основной кластер. Психологическим смыслом объединения является группировка видеофрагментов, отличающихся динамикой психических и физиологических реакций испытуемых в ответ на воспринимаемые сцены насилия. В момент просмотра у испытуемых увеличивается период дыхательного цикла, происходит изменение кожного потенциала. Эти изменения характерны для переживания стрессовых реакций, что свидетельствует об особенностях генеза эмоциональных процессов у испытуемых.

Особенности восприятия видеофрагментов в процессе их просмотра. Установлено, что испытуемые произвольным (субъективным образом) воспринимали дискурс, экстрактируя субъективно значимые смысловые блоки в зависимости от эмоциональной реакции и семантические конструкции из воспринятых видеофрагментов. По нашему мнению, «понимание», интерпретация смысла видеофрагмента (отслеживалась нами через изменение совокупности показателя альфа-ритма ЭЭГ, вегетосудистых реакций (КГР) и увеличение времени ответа испытуемого), имеющего высокую эмоциональную значимость, нередко распространялась и на последующие этапы видеопроказа. То есть сосредоточение внимания и когнитивные усилия испытуемых изменялись после участков видео, обладающих высокой эмоциональной значимостью, что способствовало снижению уровня осознания (уменьшению количества вычленяемых смысловых единиц) видео и, вероятно, предъявляет особые требования к его формированию.

Своеобразным эффектом восприятия видеофрагментов выступают особенности реконструкции их сюжетно-смыслового содержания. Вероятно, интерпретация тесно связана с индивидуальной для каждого субъекта структурой (образов, представлений) и отождествляемых с ними значений, соотносимых с представленными в видеофрагменте. Таким образом, дискурс формировался субъектом уже после просмотра видео, и во многом в связи с последующим обсуждением.

Сопоставление единиц информации, вычлененных испытуемыми ($n = 57$) в самоотчетах сразу после просмотра и после группового обсуждения, показывает, что количество пропозиций, доступных каждому испытуемому, увеличилось (до обсуждения средн. знач. = 3,4, после средн. знач. = 4,1; показатель t -крит. = 2,15 при $p < 0,05$), а интерпретация смысла уточнилась (до обсуждения средн. знач. = 3,9, после — средн. знач. = 4,8, показатель t -крит. = 2,15 при $p < 0,05$).

Получаемую субъектами промежуточную информацию мы условно разделяем на эмо-

циональные паттерны и конкретные семантические пропозиции (например, в креолизованном варианте видеофрагмента — лингвистические конструкции). При этом смысловые блоки анализируемого видео в интерпретации нередко редуцировались к семантическим и лингвистическим шаблонам (фреймам), отраженным в прошлом опыте (памяти) испытуемого. В случае, если смысл видеофрагмента в ходе описания его основных идей для испытуемого заключал противоречие между основными смысловыми блоками, то он вытеснялся (забывался) испытуемым ранее, чем видеофрагменты, непротиворечивые по своей смысловой структуре (t -крит. 2,03 при $p < 0,05$).

Нуждается в дополнительном исследовании вопрос о влиянии доминирующего смыслового образования у испытуемого, возникающего в процессе осмысления содержания видеофрагмента (путем организации смысловых образований в единую структуру, отличающуюся своей целостностью), на отрицание альтернативных реконструкций дискурса видеофрагмента.

Восприятие и субъективная интерпретация испытуемыми идей во многом определяется социальной актуальностью выделяемой темы. Так, видеофрагменты, интерпретируемые испытуемыми как действия против «наркоманов», выступающих «за легализацию наркотиков», понимаются точно (средн. знач. = 5,67—6,56, при $\sigma = 0,05$ —2,24). Видеофрагменты, содержащие диалоги с использованием специфического жаргона, отличаются большей вариацией субъективных представлений (средн. знач. = 3,25; 3,56; 3,67, при $\sigma = 2,12$; 2,46; 2,74) испытуемых, что свидетельствует о неоднозначности представлений, формируемых в процессе просмотра. Вариация представлений обусловлена также и полом испытуемых.

Таким образом, использование тем, имеющих общественную значимость (наркомания, алкоголизм, социальное неравенство, культуральные стереотипы), повышает точность интерпретации содержания видеофрагмента испытуемым и способствует ассимиляции опыта, что проявляется в изменении субъективного отношения к видеофрагменту от негативно-равнодушного до принятия его идей.

Особенности реконструирования видеофрагментов испытуемыми. Предполагаем, что дискурс воспринимается на основе сопоставления с паттернами существующих у субъекта когнитивных схем (представлений) и аккомодации либо ассимиляции с ними новых смысловых единиц. В этом случае происходит актуализация уже имеющихся представлений путем ассоциативной связи либо реструктурирования имеющихся представлений. Особенности процесса реструктурирования смысла изучались нами в ходе анализа самоотчетов испытуемых об особенностях полученного ими в ходе просмотра видеофрагмента опыта и возможностях его применения в дальнейшем.

Установлено, что при просмотре видеофрагментов, содержащих сцены насилия, занимающих большую часть экрана, либо сфокусированных на насильственном действии, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния характеризуется как «настроение значительно ухудшилось» (средн. знач. = 1,67—1,78, при $\sigma=0,67—0,71$), там же, где сцены насилия демонстрируются на удалении, оценка испытуемыми своего эмоционального состояния меняется на «настроение незначительно ухудшилось» (средн. знач. = 2,20—2,25, при $\sigma = 0,71—0,92$).

Таким образом, видеофрагменты влияют на изменение эмоционального состояния в процессе просмотра и содержат элементы (сцены избиения, насилия, агрессии), обуславливаю-

щие это явление. Восприятие содержания видеофрагментов самими испытуемыми проводится преимущественно точно (примеры высказываний: «Избиение человека в вагоне», «Избиение», «Проявление агрессии», «Драка», «Убийство»; средн. знач. = 5,67, при $\sigma = 1,41$), с частичным использованием указаний на принадлежность лиц, осуществляющих насилие, к определенным социальным группам («записки нацистов», «скинхеды убивают человека», «нанесение ударов двумя молодыми людьми лицу нерусской внешности», «бьют нерусского»). Отметим, что детализация действий проводится не всегда точно, и зачастую испытуемые не могут верифицировать подлинность ситуации насилия, отличить ее от постановочной.

Таблица 2.

Особенности самооценки поведения в связи с просмотром видеофрагментов

Контрольные вопросы		Статистические критерии	Что вы увидели в представленном ролике?	Что вы поняли из просмотренного видеофрагмента	Какие идеи содержатся в данном видеофрагменте	Оцените свое настроение (по трехбалльной шкале)	Выразите мнение по поводу основных идей	После просмотра будете ли вы использовать что-либо из увиденного в дальнейшем?
Характеристики формы дискурса								
			Оценка по 7-балльной шкале			Оценка по 3-балльной шкале		
Культурологическая форма	Ср.знач	5,00	4,56	5,50	2,75	2,11	1,11	
	σ	1,73	2,74	2,33	0,46	1,17	0,33	
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср.знач	4,89	4,11	3,67	2,89	2,89	2,00	
	σ	1,76	2,20	2,74	0,33	1,36	1,20	
Агрессивно-насильственная	Ср.знач	6,11	4,44	4,56	1,67	2,11	1,33	
	σ	1,17	2,35	2,65	0,71	1,54	0,71	
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср.знач	6,56	5,89	5,11	2,56	2,67	1,22	
	σ	0,05	2,42	2,57	0,73	1,80	0,44	
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср.знач	6,25	4,25	3,25	2,38	1,13	1,25	
	σ	1,49	2,71	2,12	1,30	0,83	1,16	

Примечание: шкала оценки среднего значения (3 балла): 1 — плохо, негативно, непонятно, 2 — не плохо и не хорошо, 3 — хорошо, позитивно, понятно; шкала оценки среднего значения (7 баллов): 1 — «категорически» плохо, негативно, непонятно, 2 — плохо, негативно, непонятно, 3 — в чем-то плохо, в чем-то хорошо, 4 — усредненная оценка, 5 — в целом хорошо, позитивно, но есть и непонятное, 6 — хорошо, позитивно, понятно, 7 — «категорически» позитивно, отлично, все абсолютно понятно.

При просмотре видеофрагментов с демонстрацией актов насилия испытуемые в ситуации, описываемой в видеофрагменте, выбирают стратегию защиты лица, в отношении которого осуществляется агрессия (средн. знач. = 2,37, при $\sigma = 0,70$). Оценивая собственное поведение в реальной жизненной ситуации, на месте главных героев испытуемые выбирают стратегию бегства (средн. знач. = 2,86, при $\sigma = 0,38$), а с позиции социальной (общественной) роли — стратегию «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,75, при $\sigma = 0,5$).

Представление субъектами стратегий поведения в ситуации, аналогичной изображенной в видеофрагментах (моделирование), у испытуе-

мых осуществлялось следующим образом. Испытуемый оценивал характер собственных действий в случае позитивного принятия (активное участие, действие наравне со всеми, пассивное присутствие); в случае отрицания (остановиться, отойти в сторону, убежать). Наравне с этим оценивались действия испытуемого в аспекте его социальной роли — как члена общества — в виде стратегии защиты (не вмешиваться, звать на помощь, защищать) и стратегии коммуникативной (опровергать, не разговаривать, соглашаться).

При субъективной оценке видеофрагментов, интерпретируемых испытуемыми как действия против (далее в тексте статьи в кавычках используются формулировки заимствованные

из стандартизованных самоотчетов испытуемых и лексики видеофрагментов) «наркоманов», выступающих «за легализацию наркотиков», против «хачей», которые «насилуют русских женщин» и против «антифа», «покрывающих беспредел», происходит принятие насильственных действий (убийства), избирается

стратегия активного действия — соучастия (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$), базовая стратегия отрицания рассматривается как «остановиться» (средн. знач. = 1,00, при $\sigma = 0,01$), с позиций социальной роли избирается стратегия «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,8, при $\sigma = 0,45$).

Таблица 3.

Особенности самооценки поведения в связи с просмотром видеофрагментов

Характеристики формы дискурса	Статистические критерии	Если бы вы могли повлиять на ход событий, что бы вы выбрали				Оказавшись в похожей ситуации, на месте главных героев, что вы будете делать?			
		Действие		Соц. роль		Действие		Соц. роль	
		Принятие	Отрицание	Защита	Коммуникация	Принятие	Отрицание	Защита	Коммуникация
Культурологическая форма	Ср. знач.	3,00	1,00	1,80			3,00	1,83	3,00
	σ	0,01	0,01	0,45			0,01	0,41	0,00
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср. знач.	-	2,00	1,25	2,00	3,00	2,00	1,17	2,00
	σ	-	0,00	0,50	0,00	-	-	0,41	-
Агрессивно-насилованная	Ср. знач.	1,00	1,50	2,24	3,00	-	2,60	1,80	3,00
	σ		0,71	0,77	0,00	-	0,55	0,40	-
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср. знач.	3,00		2,00	2,67	-	2,50	1,73	2,67
	σ		-	0,82	0,58	-	0,71	0,46	0,58
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср. знач.	3,00	2,00	1,84	2,00	-	3,00	1,89	3,00
	σ	0,01	0,01-	0,79	-	-	-	0,87	-

Примечание: шкала оценки среднего значения (3 балла): 1 — плохо, негативно, непонятно, 2 — не плохо и не хорошо, 3 — хорошо, позитивно, понятно.

Рассматривая собственные действия в ситуации, которая может произойти в жизни, испытуемые избирают стратегию бегства (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$). С позиции социальной роли преимущественной стратегией является «не вмешиваться» (средн. знач. = 1,83, при $\sigma = 0,41$), на коммуникативном уровне — «соглашаться» (средн. знач. = 3,00, при $\sigma = 0,01$). Таким образом, модель насильственного поведения, демонстрируемая в видеофрагменте (например: «Отправь паспортные данные убитого наркоторговца и получи 10 баксов на счет» (в тексте статьи в кавычках используются формулировки, заимствованные из стандартизованных самоотчетов испытуемых и лексики видеофрагментов)), находит свое подтверждение в анкетных отчетах испытуемых, и рассматривается ими как позитивная в условиях реальной жизни.

Оценка «полезности» видеофрагментов деструктивной направленности показывает ассимиляцию смысловых структур — на уровне их частичного принятия, в том числе содержащих элементы насилия (средн. знач. = 2,65, при $\sigma = 1,06$).

Таким образом, при моделировании стратегии поведения испытуемые одобряют деструктивные пути решения социальных проблем, соглашаясь с применением насилия как инструмента в отношении маргинальных расовых либо социальных групп, в ситуации идентификации с

жертвой нападения данную стратегию отрицают.

Из таблицы 4 следует, что разновидности экстремистского дискурса репрезентуются испытуемыми с различной степенью точности. Наибольшая степень точности (средн. знач. = 2,78, при $\sigma = 0,41$) свойственна культурологической форме дискурса. Видеофрагменты такого типа содержат видеоряд с отчетливо интерпретируемыми образами, сопровождаются пояснениями текстовой либо вербальной формы, аналитической информацией (статистика). Материалы такого рода не содержат призывов к экстремистским действиям, но подразумевают их.

Вторым по уровню точности репрезентации выступает агрессивно-насилованная форма экстремистского дискурса (средн. знач. = 2,67, при $\sigma = 0,53$), включающая в себя сцены насилия над людьми, значимо отличающимися от славянского типа цветом кожи, волос, особенностями произношения. Данные видеофрагменты содержат призывы к совершению экстремистских действий.

Социализированная оценка видеофрагмента коррелирует с точностью репрезентации ($r = 0,32^{**}$ для $n=41$), что свидетельствует об общности процессов репрезентации и оценки и характеризует меру позитивного отношения к культурологическим и социально-ненасильственным формам передачи экстремистского дискурса.

Таблица 4.

Особенности восприятия и оценки в связи с жанром дискурса

Характеристики формы дискурса	Статистические критерии	Точность репрезентации (ср.знач)	Социализированная оценка видеофрагмента (ср.знач)	Ассимиляция опыта (ср.знач)
Культурологическая форма	Ср.знач	2,78	3,00	1,67
	σ	0,41	0,32	0,79
Агрессивно-насильственная форма	Ср.знач	2,67	1,00	1,89
	σ	0,53	1,82	0,65
Форма социальной рекламы с демонстрацией насилия	Ср.знач	1,56	1,33	2,67
	σ	0,78	1,36	0,43
Коммуникация с вербальной агрессией	Ср.знач	1,89	1,89	1,89
	σ	0,84	1,52	1,12
Форма социальной рекламы, без демонстрации насилия	Ср.знач	1,75	2,13	2,85
	σ	0,49	0,91	0,72

Примечание: пространство оценки значений: 1 — не точно, негативно, непонятно 3 — точно, понятно, позитивно;

Обратимся к анализу значений показателя ассимиляции опыта, свидетельствующих о приоритете форм экстремистского дискурса в виде социальной рекламы с демонстрацией насилия и без таковой. Ассимиляция в данном случае предполагает готовность субъекта к операционализации полученного содержания. Испытуемые высоко оценивают форму рекламной информации, получаемую из видеофрагментов, имеющих понятные для них образы и легко реконструируемую смысловую конструкцию. Большое значение имеет и актуализация социально-значимой тематики за счет обращения к мифологии актуальных социально-политическим угроз. Полученные нами результаты в этой части согласуются с представлениями Г. Лассуэла о воздействии на сознание через управление коллективными аттитюдами посредством манипулирования значимыми для субъекта стимулами. В данном случае принятие испытуемыми деструктивных идей экстремизма осуществляется путем создания устойчивого представления о положении социальной общности, путем организации рационального (семантического) и эмоционального символического фона [Lasswell 1971: 84—99].

Выводы. Изучение особенностей восприятия испытуемыми показало продуктивность исследования методом комплексного психологического анализа характеристик субъекта (показателей типологических характеристик психофизиологической активности и структурирующих самоотчетов) креолизованных текстов — видеофрагментов, ориентированных на формирование у просматривающих ценностей деструктивно-экстремистской направленности. Кластеризация данных психофизиологического анализа позволила эмпирически классифицировать видеофрагменты по нескольким груп-

пам, в зависимости от уровня переживаемых реакций. В целом инструментарий подобного психологического исследования позволяет уверенно прогнозировать уровень репрезентации смысла, особенности социальной оценки и ассимиляции дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Питер, 1997.
- Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб.: Питер, 2001.
- Еникеев М. И. Юридическая психология : энцикл. — М.: ПРИОР, 2001.
- Зимняя И. А. Педагогическая психология. — Ростов н/Д: Феникс, 1997.
- Кроз М. В., Ратинова Н. А. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. — М.: Academia, 2005.
- Комплекс объективного психологического анализа и тестирования «Эгоскоп» : руководство пользователя / НПКиФ «Медиком МТД». — Таганрог, 2010.
- Оселков А. А. Содержание судебно-психологического экспертного исследования проявлений экстремистской направленности // Народы России: историко-психологические аспекты межнациональных и межконфессиональных отношений : материалы 15 Междунар. конф. (СПб., 12—13 мая 2009 г.) / под ред. д-ра ист. наук., проф. С. Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2009. С. 64—68.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер-пресс, 1998.
- Основы психофизиологии : учебн. / отв. ред. Ю. И. Александров. — М.: ИНФРА-М, 1997.
- Рекомендации об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : (Утверждены заместителем Генерального прокурора РФ М. Б. Катышевым), 26.06.1999.
- Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. — Chicago, 1971. P. 84—99.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов